

**«Ну, желаю, чтобы все...»
(алкогольные мотивы и их функции
в художественной системе М. А. Булгакова)**

Статья посвящена исследованию мотива алкоголя в творчестве М. А. Булгакова. Ставится задача изучить значение и функции алкоголя на материале произведений писателя разных лет. Основное внимание в работе уделяется рассмотрению мотивных связей алкоголя с онейросферой, карнавалом, жертвоприношением, болезнью, симпозионом, культом Диониса и Евхаристией и пр. Также в статье говорится о преемственности мотива бражничества и универсализации алкоголя в художественном мире писателя. Выявляется ряд проекций и параллелей, позволяющих сделать вывод об амбивалентности алкоголя, соединяющего в себе огонь и воду, жизнь и смерть, что тесно связано с характерным для поэтики М. А. Булгакова принципом бинарности.

The article is devoted to studying the motif of alcohol in M. A. Bulgakov's creation. The task is to study the meaning and function of alcohol by the material of the different years Bulgakov's compositions. The paper considers the motivic connection of alcohol with oneirosphere, carnival, sacrifice, sickness, symposium, the cult of Dionysus and the Eucharist. Also in the article says about continuity an important for russian literature motifs and universalization of alcohol in the Bulgakov's poetics. A number of projections and parallels, which allow considering alcohol as a ambivalent substance, includes water and fire, life and death, and this have a strong connection with the principle of binarity typical of Michael Bulgakov poetics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ: М. А. Булгаков, мотив алкоголя, карнавал, онейросфера, культ Диониса, бинарность.

KEY WORDS AND PHRASES: M. A. Bulgakov, alcohol motif, carnival, oneirosphere, cult of Dionysus, binarity.

2016 г. ознаменовался 125-летним юбилеем Михаила Афанасьевича Булгакова, но, как это ни парадоксально, его жизнь в качестве известного писателя, произведениями которого зачитываются люди разных возрастов и социальных групп, началась после физической смерти. Для хорошо знакомых с булгаковским поэтическим миром это лишь очередное доказательство его художественной концепции несуществования смерти, а также «конца света, не имеющего конца»¹, которая, по иронии судьбы, проявилась и в частной биографии писателя.

М. А. Булгаков — явление уникальное для мировой культуры. Уникальность заключается и в особой интертекстуальности сочинений писателя наряду с индивидуальным (булгаковским) почерком, и в богатстве смысловых оттенков, которые вряд ли когда-либо удастся до конца раскрыть, и в том, что его произведения «разобраны» на прочно укрепившиеся в активном запасе носителей русского языка цитаты.

Поскольку юбилей имеет семантику поздравления и застолья, не будем нарушать законов жанра и обратимся к главному атрибуту любого праздника — алкоголю, а точнее к алкогольным мотивам в произведениях М. А. Булгакова.

Выбранная нами тема, безусловно, находила отражение в исследованиях булгаковедов: здесь, прежде всего, стоит упомянуть комментарии к произведениям писателя, справочник-тезаурус, опубликованный в 2011 г.², а также ряд работ, посвященных творческому наследию автора³. Однако, насколько нам известно, подробного анализа обозначенных мотивов в произведениях М. А. Булгакова пока не представлено⁴. Данная статья не ставит перед собой цель систематизировать все упоминания алкоголя, описать и объяснить всю полисемичность алкогольной темы в творчестве Булгакова, это перспектива для более основательного исследования. Мы лишь попытаемся обозначить контуры, которые в дальнейшем, надеемся, удастся сделать объемными и наполненными смыслами, проанализируем отдельные важные семантические особенности алкогольных мотивов и их функции.

Спирт, водка, «огненная вода», вино (белое, красное), портвейн, херес, мадера, коньяк, пиво, самогон, шампанское — все это и многое другое составляет алкогольную карту произведений Булгакова⁵. Мотив алкоголя представляется релевантным, довольно часто встречающимся в его художественных произведениях.

Михаил Булгаков начинал творческую деятельность в 20-е гг. XX в., и из-под его пера выходили тексты (по большей части фельетоны и короткие рассказы) в том числе и «на злобу дня», понятные даже неискушенному читателю. Но, как убедительно доказывают исследователи, творчество писателя — это шкатулка с двойным дном⁶.

Несмотря на то, что в ранних произведениях М. А. Булгакова роль алкоголя подчас сводится к выполнению «бытовой» функции *опьянения*⁷, писатель не ограничивается лишь очевидным смыслом, представляя читателю праздники и будни современников, за редким исключением не страдающих алкоголизмом, демонстрирующих вместо культуры питания бескультурье пьянства. Будучи художником, характерным свойством стиля которого является «синтез явной “архитипичности” с острой “фельетонностью”»⁸, М. А. Булгаков привносит и мифопоэтические аллюзии в свои на первый взгляд бытоописательные произведения.

И мы начнем наш анализ с рассмотрения алкоголя в контексте мотива *бражничества*. Вообще, бражничество — характерный для русской литературы мотив, встречающийся в том числе и в текстах Древней Руси⁹. Приведем в пример, пожалуй, самый репрезентативный из них — «Повесть о бражнике», где преставившийся герой оказывается у дверей рая, куда ему — пьянице — путь закрыт. В системе древнерусской литературы, безусловно, бражничество имело отрицательную коннотацию и было синонимом греха. Но в «Повести...» бражник, закончивший свою земную жизнь, доказывает святым апостолам Петру и Иоанну, царям Давиду и Соломону, Николаю Мирликийскому, что даже они, великие грешники, слезами и покаянием вымолили себе место в раю. А грехи пьющего человека невелики, наоборот, бражник каждой чашей прославляет Бога: «...Вся дни Божие пил и за всяком корцом имя Господне прославлял»¹⁰. Тем самым герой не просто отстаивает свое право быть в раю, он, по сути, и попадает в рай только по причине того, что бражничал¹¹.

В фельетонах М. А. Булгакова бражничество может быть рассмотрено как карнавальная пародия древнерусской повести, ее, используя терминологию М. М. Бахтина, «*parodia sacra*»¹². Ярким примером может служить фельетон «О пользе алкоголизма» (1925). По сюжету, Микула явился пьяным на собрание по перевыборам в местком (воплощение земного рая), и рабочая масса не пускала его (ср. как в древнерусском тексте святые и апостолы не пускали бражника в рай):

К черту с собрания пьяную физиономию! Это недопустимо;
Долой Микулу! <...> этого пьяницу надо изжить!;
Вон его! Позор!

и др.¹³ Но, как и в древнерусском тексте, «оппонентов» удалось красноречиво убедить, что пьянство — это не грех и не порок, поскольку: «Курица и та пьет», «И пить — умереть, и не пить — умереть»¹⁴. И алкоголик попадает в желанный мстком, опять же во многом благодаря своему пристрастию к спиртному, где он потешает всех рассказами о том, что пить можно, «лишь бы не было вреда»¹⁵. Отметим, что в тексте есть и непосредственное упоминание рая. На заявление всезнайки-секретаря о том, что

...Бывший великий князь Владимир¹⁶, прозванный за свою любовь к спиртным напиткам Красным Солнышком <...>, в одночасье от водки сгорел¹⁷, —

одна старушка из толпы пожелала ему Царства небесного¹⁸. Причем, явно проассоциировав древнерусского князя с более понятным ей «красным» правителем Владимиром — Лениным: «Хуть и совецкий, а все ж святой»^{19, 20}.

Вместе с тем, здесь очевидно приравнивание алкоголика Микулы к святому, достойному пребывания в раю. Булгаков, как бы в продолжение литературных традиций, но через призму пародии, изображает «святых» пьяниц, которым лучше всех живется на Руси. Пародийность уподобления простого алкоголика святому князю Владимиру Красно Солнышко, а также М. В. Ломоносову, И. С. Тургеневу и многим другим, от перечисления которых оратор воздержался²¹, реализуется в тексте благодаря характерной для поэтики М. А. Булгакова карнавальной логике «обратности»²².

Говоря о бражничестве как явлении русской жизни, нельзя не упомянуть поэму Н. А. Некрасова с извечным вопросом «Кому на Руси жить хорошо» в заглавии. Некоторые исследователи, ссылаясь на мемуары Н. А. Некрасова, указывают, что автор предлагал завершить поэму тем, что счастливым человеком объявлялся пьяница, т. е. концепция бражничества в поэме тесно связана с центральной проблемой произведения — проблемой счастья. С позиции автора, «бражник»-народ может войти в «рай», имеет на это право (см., например, размышление о том, что представляет собой рай для народа в заключительной части поэмы)²³.

Бражничество в художественном мире М. А. Булгакова также подчас связано со счастьем. А алкоголь в отдельных текстах сравнивается с «живой» водой. Достаточно процитировать произведения с характерными названиями «Чаша жизни», «Вода жизни»²⁴:

Переутомился я, друзья! Заела меня работа! Хочу я отдохнуть, провести вечер в вашем кругу! Молю я, друзья, давайте будем пить **чашу жизни!** (Здесь и далее в тексте выделено нами. — О. К.)²⁵;
— Две бутылочки <...> **Истомилась** моя душенька...²⁶.

В последней цитате слово «истомилась» можно понимать в нескольких контекстах. Одно из прямых значений — *страдать, испытывать мучения*. Но это же слово может быть наделено и другим смыслом — *готовиться на медленном огне (томиться)*²⁷; в подобном значении алкоголь будет выполнять спасительную функцию жидкости, гасящей пламя.

В связи с этим хотелось бы отметить этимологию самого слова *алкоголь*. Как пишут словари, оно пришло в европейские языки из арабского²⁸, но, как нам представляется, также созвучно с праславянским словом *алкать* — жаждать. Хотя слова *алкать* и *алкоголь* — не родственные, но языковая игра позволяет связать их общим мотивом *страстного желания*. Сильная потребность (а у многих и жизненная необходимость) в употреблении алкоголя ставит его, во-первых, в один семантический ряд со словом *счастье*, во-вторых, со словом *жажда*; см., например, характерные реплики из пьесы «Зойкина квартира»:

Обольянинов. У меня **жажда**. Нет ли у вас **пива**, Зоя?²⁹;
Аметистов. Милая, приволоки-ка мне пивца. Умираю от **жажды**...³⁰.

Наряду с этим алкоголь в текстах Булгакова — это и *лекарство*. Приведем ряд примеров:

Передо мною поставили толстую кружку пива. «Сделаем опыт, — говорил я кружке, — если они не оживут после пива, — значит, конец. Они померли — мои мозги, вследствие писания рассказов, и больше не проснутся. <...>» Я сделал глоток. Потом другой. При третьем глотке живая сила

вдруг закопошилась в висках, жилы набухли, и съжившиеся желтки расправились в костяном ящике. — Живы? — спросил я. «**Живы**», — ответили они шепотом³¹;

Сельтерской воды или пива, если я сейчас не выпью, я, дорогие товарищи, помру <...>. Извозчик, где сейчас пива можно выпить в вашей паршивой Москве? <...> В голове у Мохрикова после горшановского пива несколько **светлело**, подобно тому, как светлело за окнами;

...Никакой пирамидон вам не поможет. Следуйте старому мудрому правилу — лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской;

Вчерашний день, таким образом, помаленьку **высветлялся**...³²

Во всех приведенных примерах употребление алкоголя сопряжено с *выздоровлением*, а также связано с просветлением и со *светом*, в том числе и с началом нового дня. Следовательно, алкоголь является одним из «способов перехода» — в этом заключается его *лиминальная* функция — и создания онирического пространства³³. Являясь психотропным веществом, алкоголь также способствует формированию иллюзии трансформации пространства и времени. Ярким примером будет упоминание в фельетоне «Не свыше» *райского* топоса (о нем уже говорилось в данной статье), где можно оказаться после употребления алкоголя:

Да ты глянь, какая рябиновая. Крепость не свыше, выпьешь новинку, закусишь, не будешь знать, где ты — на станции или **в раю!**³⁴.

Следует отметить, однако, что бражничество в художественном мире М. А. Булгакова не только приносит счастье и повышает жизненные силы, но и — в иных случаях — влечет за собой моральную деградацию и гибель личности («Заколдованное место», «Гибель Шурки-уполномоченного», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита» и др.), а также болезнь и смерть. Из фельетона «О пользе алкоголизма» мы узнаем, что «Великий князь Владимир <...> В одночасье от водки **сгорел**»³⁵. Здесь, несмотря на безусловную сатиричность, «сгорел» следует понимать в контексте самой природы алкоголя, который есть «соединение» двух противоположных первоэлементов — *огня* и *воды*³⁶. Потенциальная

амбивалентность алкоголя отражена и в языке наличием оксюморона *огненная вода*. Именно этот напиток — «огненная вода» — играет очень важную, сюжетообразующую роль в фельетоне «Багровый остров» (1924), ставшем основой для написанной тремя годами позже одноименной пьесы. «Огненная вода» попадает на остров в результате неравного товарообмена³⁷. Полагаем, что наличие «огненной воды» на острове — косвенная причина извержения потухшего триста лет назад вулкана. Жаркая лава из огнедышащей горы накрыла королевские вигвамы вождя Сизи-Бузи и жреца, имевших большую страсть к «огненной воде»³⁸. Так материализуется метафора «плавать», используемая Булгаковым для создания точного изображения переизбытка употребления ими «огненной воды».

Подчас писатель ставит алкоголизм в один ряд с инфекционными заболеваниями. После «алкогольного» бунта и карательной экспедиции Рики-Тики мертвым и изолированным на семь лет³⁹ по причине *чумы* стал багровый остров в одноименном произведении. В фельетоне «О пользе алкоголизма» читаем:

Пьянство есть не что иное, как **социальная болезнь**, подобная туберкулезу, сифилису, чуме, холере...⁴⁰.

Параллель между алкоголем и сифилисом встречаем и в «Празднике с сифилисом». Как связаны алкоголь и венерические заболевания? Полагаем, посредством дионисийского мотива, о котором еще пойдет речь в дальнейшем.

В некоторых произведениях встречаем примеры сравнения алкогольного опьянения с умопомешательством. Приведем лишь некоторые из них. В «Мастере и Маргарите» появление Ивана Бездомного в «Грибоедове» и его рассказ о произошедшем на Патриарших прудах расценивается как *белая горячка*, а в психиатрической лечебнице ему ставят вполне конкретный диагноз: «...**Шизофрения**, надо полагать. А тут еще **алкоголизм**...»⁴¹. Также Степа Лиходеев, отправленный свитой Воланда в Ялту, пытаясь выяснить, в каком городе он находится, произносит: «**Я не пьян** <...> со мной что-то случилось... я болен...»⁴². В пьесе «Блаженство» Бунша, сообщаящий милиции, что «физик Рейн без разрешения сделал машину, из которой появился царь!..», специально подчеркивает, чтобы ему поверили: «...да трезвый я, трезвый!»⁴³.

В фельетоне «Главполитбогослужение» дьякон, не выдержав соседства церковного прихода со школой, напился и пьяным явился в алтарь. При этом его состояние характеризуется так: «внезапная **болезнь**», «скоропостижная **болезнь**», «бормотал в **бреду**»⁴⁴.

Употребление алкоголя в художественной системе М. А. Булгакова также синонимично саморазрушению, а, соответственно, опьяняющая жидкость, — неважно, о каком конкретно напитке идет речь, — яд. Обратимся к одному из самых известных «алкогольных» произведений Булгакова — «Самогонное озеро»⁴⁵ (1923).

В тексте встречаем следующее: «А тот (пьяный Иван Гаврилыч. — О. К.) возьми и **взбеленись**»⁴⁶. «Взбелениться» означает совершать бесконтрольные поступки, буйствовать; классический пример можно найти в известной «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, где старик реагировал на причуды своей старухи вопросом: «Ты что, баба, белены объелась?»⁴⁷

В том же «Самогонном озере» читаем: «Он был похож на **отравленного** беленой (*atropa belladonna*)...»⁴⁸. Обращает внимание несоответствие русского варианта названия растения белена (*лат. hyoscyamus*) с тем, как автор переводит его на латынь: «*atropa belladonna*». Последнее — это ботаническое название другой травы, известной как белладонна, или красавка. Учитывая, что М. А. Булгаков по профессии врач, вероятность ошибки невелика. Значит, в тексте нужно искать причину замены одного названия другим.

Поскольку *belladonna* (*bella donna*) в переводе с итальянского языка — это «красивая девушка», то предположим, что употребление одного термина вместо другого — это намек на отношение к женщинам (или с женщинами) после употребления алкоголя. Доказательства этому есть в тексте фельетона. И очень показательной в данном отношении, как нам кажется, является сцена «обдирания живого петуха». Напомним, что пьяный Иван Гаврилыч по непонятной никому причине «драл пучками перья из хвоста у петуха»⁴⁹. При этом важно, что в этот момент гражданин обливался крупными слезами, славил Воскресение Христа (указание на то, что петух выступает в роли пасхальной жертвы) и кричал: «Так не доставайся же никому», — что есть прямая цитата из драмы А. Н. Островского «Бесприданница»⁵⁰. Возможно, в этой сцене Иван Гаврилыч ассоциирует себя с обманутым ревнивцем, а петух в его пьяных глазах, соответственно,

женщина. Следовательно, самогон в тексте не только опьяняет, но и приводит к сильному нервному и сексуальному возбуждению, являясь своеобразным афродизиаксом.

Здесь стоит упомянуть и другие произведения Булгакова, где содержится подобный мотив (его можно условно назвать «*синдром belladonna*») — когда алкоголь действует на изрядно выпившего человека таким образом, что тот принимает за женщину любые живые и неживые предметы. В фельетоне «Праздник с сифилисом» в пьяных глазах фельдшера председатель собрания предстает женщиной: «Я не работница! — воскликнул председатель. — Непохоже, — икнул фельдшер»⁵¹. В пьесе «Зойкина квартира» пьяный персонаж Мертвое тело Ивана Васильевича сначала называет китайца Херувима «мадам», а затем, принимая за даму манекен, рыдая, обнимает его за талию, танцует и разговаривает с ним⁵².

«*Синдром belladonna*» и алкогольное опьянение вообще, безусловно, связаны и с ревностью: в «Самогонном озере», например, несколько сцен «расправы» пьяными мужьями над женами показаны на фоне заботливого обращения трезвого рассказчика к своей жене⁵³.

Полагаем, что это не просто сатирико-нравоучительное изображение слабых к алкоголю людей, неспособных контролировать свои животные страсти, — в этих сценах показана связь между спиртным и дьявольской силой, управляющей пьяным человеком. Например, в какой-то момент председатель произносит: «Ну и самогон у Сидоровны. **Зверь** самогон»⁵⁴. Вероятно, *зверь* — это контекстуальный синоним слова *дьявол*, что приобретает дополнительный смысл в связи с уже упомянутыми пьяными вакханалиями в «Самогонном озере», а также сюжетной линией Ивана Сидорыча⁵⁵, который в три часа ночи сильно пьяным явился в комнату к рассказчику и, представившись эсперантистом, «**вдруг** заговорил на эсперанто»⁵⁶. Известно, что по народным представлениям лукавый может говорить на разных языках, а здесь также важно, что он заговорил вдруг, неожиданно. С мотивом появления эсперанто также очень важно отметить, что это искусственный, плановый язык. Упоминание о нем, к тому же негативная оценка («удивительно противный язык», «странные кургузые слова, похожие на помесь латинско-русских слов»⁵⁷) появляется в тексте произведения не случайно. Вероятно, проводится параллель между искусственно созданным языком и различными «фантастическими» проектами того времени. Эсперанто — очередной *эксперимент* (характерный

для поэтики М. А. Булгакова мотив): замена живого и настоящего на искусственное. Характерным примером вышесказанного будет пьеса «Блаженство», герои которой оказались в «золотом» XXIII в., где из крана вместо привычной воды течет спирт и, вероятно, используется людьми будущего в бытовых целях. Персонаж, представляющийся мастером *водонапорной* станции, служит «доказательством» того, что вода в государстве XXIII века все же есть, — тем не менее по трубам течет спирт, стерилизующий, убивающий живую жизнь.

Гораздо глубже и поэтичнее связь мотива алкоголя с *культурой Диониса*. Произведения М. А. Булгакова, уровень интертекстуальности которых превращает чтение в подобие археологических раскопок (с каждым последующим обращением к тексту вскрывается новый историко-культурный пласт), безусловно, богаты *дионисийскими* аллюзиями и реминисценциями. Об этом не один десяток раз писали булгаковеды, анализируя различные тексты писателя⁵⁸.

Размышления над алкоголем с точки зрения дионисийства приведут нас, во-первых, к его интерпретации как источника *творчества* и поэтического *вдохновения*, что особенно характерно для романтического миропонимания. Связь алкоголя и творчества также проявляется в том, что любая спиртосодержащая жидкость открывает сознание и является метафорой *озарения* и *прозрения*. В фельетоне «Воспаление мозгов», например, герой после нескольких глотков пива «оживил» свои мозги и приказал им: «Ну, теперь сочиняйте рассказ!»⁵⁹.

Во-вторых, нередко дионисийская символика может трактоваться и как *вакханалия*. Для подтверждения сказанного обратимся к фельетону «Багровый остров», где алкоголь тесно связан с *жертвоприношением*⁶⁰. Природная катастрофа, накрывшая королевские вигвамы, — аналог необходимого жертвенного ритуала. Это подтверждается и текстом телеграммы, которой корреспондент «Нью-Йоркского Таймса» успокоил мировую общественность: «У дураков на острове национальный праздник байрам...»⁶¹. Упоминание исламского Байрама — праздника жертвоприношения — свидетельствует о том, что погибшие под вулканической лавой повелитель Сизи-Бузи и жрец выступают в роли ритуальных жертвенных барашков⁶². В этой связи сделаем небольшой комментарий. Барашек имеет синоним: устаревшее слово *агнец* (agnus), которое, в свою очередь, однокоренное со словом *огонь* (agni)⁶³.

Кроме того, все происходящее на острове, — типичный карнавал, что объясняется и в контексте мотива алкоголя как такового (о чем мы уже писали), и в связи с явным присутствием карнавальнoй символики — в том понимании, которое представлено в исследованиях М. М. Бахтина⁶⁴.

Вместо траура по погибшим начинаются праздничные вакханалии:

Всю ночь на острове, играя в небе отблесками, горели веселые костры, и пьяные от радости и от огненной воды, плясали вокруг них эфиопы⁶⁵.

Пляски, сопровождающиеся алкогольным весельем, — одна из форм проявления древнейшего ритуала, совершаемого в честь бога Диониса.

Интересным, в контексте дионисийства, представляется и мотив *симпозиона*. Можно говорить о проникновении элементов ритуализированного веселого пиршества в поэтический мир произведений М. А. Булгакова (см., например, роман «Белая гвардия»).

Мотивы застолья и угощения подчеркивают потенциальную способность алкоголя объединять и сближать прежде незнакомых людей, а также связаны с главным христианским таинством — Евхаристией. Как пишет исследователь Ежи Фарино,

...акт угощения восходит к культовым актам жертвоприношения и обмена сущностями между угощающим и угощаемым. Таков, естественно, и смысл христианского причастия⁶⁶.

Поэтому особое значение приобретает на первый взгляд ничем не примечательная фраза Воланда: «Благодарствуйте, я не закусываю никогда»⁶⁷.

Возвращаясь, однако, к теме алкоголя, отметим, что один из его видов — вино (как поэтическая метафора крови) — также имеет непосредственное отношение к Евхаристии. Тем самым вино является символом бессмертия и выступает в роли жидкости, несущей жизнь. Это, отчасти, объясняет традицию произносить заздравные тосты. Вместе с тем, как символ крови, вино представляет собой амбивалентное сочетание *смерти* и *воскресения*.

Уже в ранних произведениях М. Булгакова можно заметить интересную особенность — «овеществление» выпивки.

Алкоголь предстает универсальной субстанцией, способной заменить человеку любой товар первой необходимости. В фельетоне «Пивной рассказ» (1924) неудачливые покупатели, желающие приобрести хозяйственные товары (ткани, сапоги, керосин, газолин и т. д.), узнают, что нужные им бытовые вещи в вагоне-лавке не держат, любой спрос рождает только одно безальтернативное предложение — пиво. Приведем пример: «Так что же есть из **материй?**⁶⁸ — Пиво бархатное, черное»⁶⁹. Здесь происходит игра смыслов: *материя* — *бархатное* пиво. В этом же фельетоне встречаем:

— Вместо газолина могу предложить вам, тетушка, «Стеньку Разина» или «Красную Баварию»⁷⁰.

Аналогичную функцию алкоголь выполняет в фельетоне «Не свыше» (1924), где также вместо съестной продукции предлагаются только разного вида спиртосодержащие напитки:

— Масло есть? — Нету. Кризис. — Тогда вот что... Сахарного песку отвесть. — На следующей неделе будет... — Крупчатка есть? — Послезавтра получим. — Так что же у вас, чертей, есть? — Ты поосторожней. Тут тебе кооператив. Чертей нету. А, вот, транспорт вин получили. Такие вина, что ахнешь; — Плачу, а пью!.. <...> Сахару нету, а почему в противовес: московская малага есть? Позвольте вам сделать запрос: заместо подсолнечного предлагают цинандали не свыше 1 р. 60 коп. бутылка⁷¹.

Своеобразным откликом на негодование старушки («Тут ждешь товару, а они пойла привезли...»⁷²) и просьбу журналиста «Гудка» выехать на линию с *продуктами* в финале «Пивного рассказа» явилось содержание фельетона «Вода жизни» (1925). Во взятом в кавычки заглавии читается пародия на алхимическое понимание спирта. На «истомленную душу» современного человека даже дешевое очищенное вино ложится бальзамом и воспринимается как «aqua vita». По сюжету, в приехавшем к железнодорожной лавке вагоне алкоголь без закуски никому не продают, но съедобные товары быстро заканчиваются, и вместо них предоставляется широкий спектр хозяйственных: зубной порошок, одеколон, ситец, синька, туалетное мыло «Аромат девы», стеариновые свечи, носки и пр.⁷³ Это доказывает предположение:

алкоголь — дух народа, именно поэтому алкоголь универсален. Следовательно, любые действия, направленные на его истребление, обязательно закончатся провалом⁷⁴. Свежий источник алкоголя, подобно головам огнедышащего Змея Горыныча, будет появляться снова и снова.

Полное отрицание алкоголя сродни философии Премудрого пискаря («В карты не играет, вина не пьет, табуку не курит, за красными девушками не гоняется»⁷⁵), поэтому также находит несогласие с авторской позицией, которую можно выразить словами Воланда:

Недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы⁷⁶.

Итак, проведенный анализ позволил выявить различные проекции, мотивы и параллели, связанные с алкоголем в произведениях М. А. Булгакова. В статье рассматриваются, безусловно, не все тексты, а некоторым мотивам, вероятно, уделяется недостаточное внимание. Но уже на данном этапе исследования можно говорить об амбивалентности алкоголя, что тесно связано с характерным для поэтики М. А. Булгакова принципом бинарности. В одном напитке соединяется разрушение, болезнь и смерть, а также жизнь («aqua vita») и душа («spiritus»).

Примечания

1 Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994. С. 56.

2 Яблоков Е. А. Михаил Булгаков и мировая литература: Справочник-тезаурус. СПб., 2011.

3 Отметим лишь некоторые: Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994; Иваньшина Е. А. Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова. Воронеж, 2010; Казьмина О. А. Драматургический сюжет М. А. Булгакова: пространство и время в пьесах «Зойкина квартира», «Бег», «Блаженство». Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009; Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001; Яблоков Е. А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь, 2002.

- 4 О мотиве алкоголя в русской литературной традиции написано немало работ. Отметим наиболее значительные: Русские пиры: [Сборник / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Альманах «Канун» / Под общ. ред. Д. С. Лихачева; Вып. 3]. СПб., 1998.; Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь, 2002.
- 5 В фельетоне «Не свыше», например, встречаем более подробное перечисление алкогольных напитков: «Херес, портвейн, мадера, аликанте, шабли типа бордо, мускат, порто-франко порто-рико...», «Красные, столовые различных номеров. Сухие белые, цинандали, напареули, мукузани, ореанда!..», «Рислинг, русская горькая, померанцевая, пиво мартовское, зубровка, абрау, портер». См.: Булгаков М. А. Не свыше // Собр. соч. В 10 т. М., 1995–2000. Т. 2. С. 196–197.
- 6 *Иваньшина Е. А.* Указ. соч.
- 7 Например, фельетоны «Главполитбогослужение», «Гибель Шурки-уполномоченного», «Заколдованное место», «Коллекция гнилых фактов», «По поводу битья жен», «При исполнении святых обязанностей», «Пьяный паровоз», «Самогонное озеро», «Работа достигает 30 градусов», «Праздник с сифилисом» и др.
- 8 *Яблоков Е. А.* Художественный мир Михаила Булгакова... С. 391.
- 9 Булгаковедами уже исследовалась тема обращения писателя к древнерусской литературе, например, см.: *Лурье Я. С.* Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова // Тр. Отдела древнерус. лит. ИРЛИ. СПб., 1992.
- 10 Повесть о бражнике / БЛДР. Т. 16: XVII в. СПб., 2010. С. 419.
- 11 *Семячко С. А.* К интерпретации «Повести о бражнике» // Труды Отдела древнерус. лит. ИРЛИ. СПб., 1996. Т. 49. С. 408; *Фокина О. Н.* «Повесть о бражнике»: проблемы происхождения и интерпретации // Вестн. НЛГУ, 2006. Т. 5. Вып. 2.
- 12 *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса. М., 1990. С. 16.
- 13 *Булгаков М. А.* О пользе алкоголизма // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 538, 539.
- 14 Там же. С. 540.
- 15 Там же. С. 541.
- 16 Одним из характерных для творчества М. А. Булгакова является мотив «бывших». Достаточно упомянуть «бывшего графа Обольянинова», «бывшую курицу» («Зойкина квартира»), «Российскую бывшую империю» («Бег») и др.
- 17 Там же. С. 540.
- 18 Там же. С. 540.
- 19 Там же. С. 540.

- 20 Справедливым будет отметить, что мотив пьянства среди представителей власти характерен для творчества М. Булгакова. Достаточно привести в пример такие произведения, как «Самогонное озеро», «Гибель Шурки-уполномоченного», «Багровый остров», «Иван Васильевич», «Блаженство» и др.
- 21 Там же. С. 541.
- 22 *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 10.
- 23 Подробнее об этом см. статью: *Николаева С. Ю.* Концепция «бражничества» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь, 2002.
- 24 Исследователь Е. А. Яблоков в одной из своих работ отмечает: «Словосочетание “вода жизни” применительно к водке употребляется в одной из ранних редакций “Мастера и Маргариты”; правда, в последней редакции Бегемот противопоставляет водку спирту (чистому), полагая, что водка — нечто “неприличное” и недостойное того, чтобы предлагать ее даме». См.: *Яблоков Е. А.* Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь, 2002. С. 54.
- 25 *Булгаков М. А.* Чаша жизни // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 265.
- 26 *Булгаков М. А.* «Вода жизни» // Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 607.
- 27 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб., 2002. Т. 4. С. 425.
- 28 Например, в этимологическом словаре М. Фасмера: «Через нем. Alkohol или гол. alcohol и исп., португ. alcohol из араб. al-koḥ-l “порошкообразная сурьма», см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 71.
- 29 *Булгаков М. А.* Зойкина квартира // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 3. С. 90
- 30 Там же. С. 92.
- 31 *Булгаков М. А.* Воспаление мозгов // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 639.
- 32 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 5. С. 78.
- 33 Интересно, что формула спирта включает «анаграмму» слова *сон* — обозначения химических элементов, входящих в его состав, читаются как C(2H5)OH.
- 34 *Булгаков М. А.* Не свыше... С. 196.
- 35 *Булгаков М. А.* О пользе алкоголизма... С. 540.
- 36 *Башляр Г.* Психоанализ огня. М., 1993.
- 37 *Булгаков М. А.* Багровый остров // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 412.

- 38 Исследователь Е. А. Иваньшина объясняет значение имени персонажа следующим образом: «*Сизый* истолковано у Даля как 'темный, черный с просинью, и с белесоватым голубым отливом'. <...> Определение "сизый" обычно относится к голубю, в частности, сизяк — дикарь, сизый голубь. Таким образом, имя Сизи имеет цветовую (серо-голубой) и птичью (голубь) коннотации и соотносится с дикарским статусом персонажа. *Сизый нос* — говорят о пьянице (ср. с Джузеппе, героем «Золотого ключика»). Слово "буза" имеет два значения: "каменная или горная соль, в твердых комьях (1); суло, молодое пиво или брага; пшениный, яблочный или грушевый квас или сидр" (2). Вторая часть имени вождя маркирует соотнесенность Сизи с огненной водой...»; см.: *Иваньшина Е. А. Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова. Воронеж, 2010. С. 237–238.*
- 39 Сакральная для христианства цифра 7, связанная в том числе с сотворением мира, дважды встречается в тексте фельетона. 7 дней потребовалось, чтобы сжечь остров и 7 лет, чтобы «воскресить» его; см.: *Булгаков М. А. Багровый остров // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 416, 420.*
- 40 *Булгаков М. А. О пользе алкоголизма... С. 540.*
- 41 *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита... С. 63, 71.*
- 42 Там же. С. 85.
- 43 *Булгаков М. А. Блаженство // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 3. С. 387.*
- 44 *Булгаков М. А. Главполитбогослужение // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 461.*
- 45 В английском языке этот крепкий спиртной напиток домашнего производства называется *Moonshine*, что дословно переводится как «фантазия», «вздор» и безусловно находит реализацию в тексте. Также слово «самогон» имеет семантику «домашний», «родной», «свой». Во-первых, как антитеза «чужих» спиртных напитков. Например, в «Багровом острове» за время изоляции островитяне научились делать кокосовую водку, по сути, — самогон из легкодоступного им материала, вместо привозимых спиртных напитков (см.: *Булгаков М. А. Багровый остров... С. 426*). Следовательно, жители острова более не зависят ни от правителей, ни от «первооткрывателей». Во-вторых, указанная семантика лишь укрепляет нас в мысли, что пить не перестанут никогда.
- 46 *Булгаков М. А. Самогонное озеро // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 322.*
- 47 *Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке // Собр. соч. В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. С. 341.*
- 48 *Булгаков М. А. Самогонное озеро... С. 322.*
- 49 Там же. С. 321.
- 50 *Островский А. Н. Бесприданница // Собр. соч. В 12 т. М., 1975. Т. 5. С. 330.*

- 51 *Булгаков М. А.* Праздник с сифилисом // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 535.
- 52 *Булгаков М. А.* Зойкина квартира... С. 133.
- 53 *Булгаков М. А.* Самогонное озеро... С. 322, 324, 325.
- 54 Там же. С. 322.
- 55 Интересно созвучие отчества: Сидорыча, а также торговки самогоном Сидоровны с названием алкогольного напитка сидр, изготавливаемого из яблок.
- 56 Там же. С. 323.
- 57 Там же.
- 58 Например: *Золотонос М. Н.* Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл // Слово и тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков. М., 1999. С. 360–457; *Иваньшина Е. А.* Указ. соч.; *Сисикин В.* Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3. С. 135–143; *Яблоков Е. А.* Художественный мир Михаила Булгакова... и др.
- 59 *Булгаков М. А.* Воспаление мозгов... С. 639.
- 60 Ср. жертвоприношения в честь бога Диониса.
- 61 *Булгаков М. А.* Багровый остров... С. 415.
- 62 Также появление в тексте исламского праздника несет особую смысловую нагрузку, поскольку в этой религии любое опьяняющее вещество запрещено, а нарушение запрета — тяжкий грех.
- 63 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974. С. 57.
- 64 *Бахтин М. М.* Указ. соч.
- 65 *Булгаков М. А.* Багровый остров... С. 414.
- 66 *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 135.
- 67 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита... С. 78.
- 68 Имеется в виду ситец, бязь, сарпинка, наличием которой интересуются измученные ожиданием вагона-лавки покупатель.
- 69 *Булгаков М. А.* Пивной рассказ // Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 2. С. 464.
- 70 Там же.
- 71 *Булгаков М. А.* Не свыше... С. 196–197.
- 72 Там же. С. 465.
- 73 *Булгаков М. А.* «Вода жизни»... С. 607.
- 74 См., например, фельетоны «Самогонное озеро», «Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил» и др.
- 75 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Премудрый пискарь // Сказки. М., 1973. С. 325–330.
- 76 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита... С. 202.